

Джулиана Грей
Наука страсти
Серия «Принцесса прячется», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7907263
Наука страсти: роман: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-080458-0

Аннотация

Прелестная Эмили, которой угрожает смертельная опасность, вынуждена, переодевшись юношей, поступить на службу к одинокому герцогу Эшленду, герою Наполеоновских войн, под видом домашнего учителя для его сына-подростка.

Поначалу девушка панически боится сурового хозяина, но очень скоро ее страх переходит в робкое любопытство, а от любопытства недалеко и до нежных чувств.

Однако рано или поздно герцог узнает в молодом наставнике таинственную красавицу, покоровшую его сердце и подарившую надежду на новое счастье...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	41
Глава 7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Джулиана Грей

Наука страсти

Роман

Пролог

Лондон, Англия
Октябрь 1888 года

В два часа ночи, когда холодный осенний дождь барабанил по задернутым даматовыми шторами окнам городского дома на Парк-лейн, герцога Олимпию разбудил камердинер и сообщил, что внизу, в кабинете, его ожидают три леди.

– Три леди, говоришь? – спросил Олимпия таким тоном, словно осведомлялся о трех совокупающихся гиппопотамах.

– Да, сэр. И двое сопровождающих их лиц.

– В моем кабинете?

– Я подумал, так будет лучше, сэр, – ответил камердинер. – Кабинет расположен в задней половине дома.

Олимпия устался на герцогский балдахин у себя над головой.

– Разве не Ормсби должен заниматься подобными вопросами? Это его работа. отошли женщин прочь или отправь их до утра в верхние спальни.

Камердинер поправил рукав халата.

– Мистер Ормсби предпочел обратиться ко мне, ваша светлость, поскольку дело носит личный характер и требует незамедлительного вмешательства вашей светлости. – Голосом он слегка выделил слово «незамедлительного». – Слуги, разумеется, отправлены на кухню.

У Олимпии сразу заныли уши. Его затуманенный сном мозг начинал просыпаться, как разгорается потухший огонь в камине, возвращенный к жизни угрюмой горничной.

– Понятно, – сказал он, все еще глядя на балдахин. Под головой у него в наволочке из превосходной ткани лежала невесомая подушка из мягчайшего пуха, уютно обволакивая его ароматом лаванды, а сам он, как в теплом коконе, устроился на мягком матрасе под тяжелыми одеялами. Пришлось выпростать из этого убежища руку и стянуть с головы ночной колпак. – Ты сказал, три леди?

– Да, сэр. И собака. – Не меня интонаций, камердинер все же сумел выразить свое неодобрение появлением пса.

– Полагаю, корги. А что леди – две белокурые, одна с каштановыми волосами?

– Да, сэр.

Олимпия сел и тяжело вздохнул.

– Я их ждал.

Восемь минут спустя, в желтом халате, изобилующем британскими львами, с аккуратно причесанными седеющими волосами и чудесным образом выбритым подбородком, герцог Олимпия бесшумно открыл дверь в свой личный кабинет.

– Доброе утро, мои дорогие, – сердечно произнес он.

Три леди подскочили в креслах. Корги высоко подпрыгнул, приземлился, распластав лапы, на бесценный аксминстерский ковер, где тотчас же и осрамился.

– Прошу прощения, – сказал Олимпия. – Заклинаю, не вставайте.

Леди вновь опустились в кресла, за исключением самой младшей, с каштановыми волосами. Та взяла на руки собаку, браня ее шепотом.

– Ваша светлость, – сказала старшая из дам, – приношу свои нижайшие извинения за неподобающий час нашего у вас появления. Надеюсь, мы не подняли на ноги весь дом. Мы не собирались беспокоить вас до утра...

– Да только этот ваш дурацкий новый дворецкий, Ормсби, или как там, к дьяволу, его зовут... – выпалила младшая.

– Стефани, дорогая моя! – воскликнула старшая леди.

Олимпия улыбнулся и закрыл дверь. Замок мягко щелкнул. Герцог прошел в комнату и остановился перед первым креслом.

– Луиза, милое дитя. Как ты чудесно выглядишь, несмотря ни на что. – Он сжал ее руку. – Величайшее удовольствие снова видеть вас, ваше высочество, после столь долгих лет.

– О дядя. – По бледным щекам Луизы разлился румянец, ее запавшие голубые глаза наполнились слезами. – Вы невероятно добры.

– А, Стефани, дорогая моя разбойница. Представь себе, недавно я встретил одну юную леди, так сильно напомнившую мне тебя. Уверю, мое старое сердце сразу заныло. – Олимпия потянулся к руке Стефани, но та отпустила собаку, спрыгнула с кресла и с размаху обняла герцога.

– Дядюшка герцог, до чего здорово, что вы взяли нас к себе! Я знала, что вы не откажете, вы всегда были славным малым!

Юные сильные руки Стефани крепко обнимали его за талию. Олимпия ласково похлопал ее по спине и рассмеялся.

– Ты всегда была самой безрассудной девчонкой на том чертовом коровьем пастбище, которое вы называете своим домом.

– Хольштайн-Швайнвард-Хунхоф вовсе не коровье пастбище, дядя герцог! – Стефани отпрянула и шлепнула его по руке. – Это самое очаровательное княжество во всей Германии! Сам герр фон Бисмарк назвал его великолепным. А дорогая Вики...

– Да, разумеется, дорогая моя. Я просто немного тебя подразнил. Уверен, оно совершенно очаровательно. – Олимпия с трудом удержался, чтобы не передернуться. От буколических ландшафтов у него скручивало живот. Он повернулся к последней принцессе очаровательного Хольштайн-Швайнвард-Хунхофа, средней дочери, успокаивающей корги. Тот попеременно то зевал, то начинал скулить. – И Эмили, – сказал он.

Эмили подняла взгляд и улыбнулась ему из-под очков.

– Дядя. – Она опустила корги на ковер и встала.

Сколько же ей сейчас лет? Двадцать три? Двадцать четыре? Но глаза кажутся старше, круглые, совиные, невероятно древние на чистой коже лица с изящными скулами. А волосы при свете единственной электрической лампы на столе Олимпии отсвечивают золотом. Две другие гостьи весьма привлекательные девушки с царственными чертами лица, что отлично видно на фотографиях, но красота Эмили более изысканна. Она прячется и скрывается за стеклами очков и застенчивым характером. Ученый, вот кто такая Эмили: она разбирается в латыни и греческом лучше, чем сам Олимпия. В крови их семейства имеется предрасположенность к гениальности, и Эмили она досталась в полной мере.

– Моя дорогая девочка. – Олимпия взял ее за руки и поцеловал в щеку. – Ну, как ты?

– Все хорошо, дядя. – Она ответила спокойно, но в голосе послышались слезы.

– Садитесь скорее. Я велел принести чаю. Должно быть, вы совершенно измучены. – Он показал на кресла, а сам устроился на уголке письменного стола. – Пересекли Ла-Манш вчера ночью?

– Да, после заката, – сказала Стефани. – Меня два раза вырвало.

– Право же, Стефани! – резко оборвала ее Луиза.

– Это все лакрица. – Стефани снова опустилась в кресло и посмотрела на позолоченный потолок. – Никогда не могу устоять перед лакрицей, а тот маленький мальчик на пристани...

– Да, в самом деле, – поддакнул Олимпия. – А что ваши слуги?

– О, с ними все в порядке. Крепкие желудки и все такое.

Олимпия кашлянул.

– Я имею в виду – кто они? Им можно доверять?

– Да, разумеется. – Луиза снова метнула укоризненный взгляд в сторону Стефани. – Наша гувернантка – как вам известно, она с нами уже тысячу лет, и папин... – тут ее голос слегка дрогнул, – папин камердинер, Ганс.

– Да, я помню Ганса, – отозвался Олимпия, вызывая в памяти плотного сложения мужчину, не особо ловко обращавшегося с шейными платками, но зато глаза его пылали преданностью хозяину, которому он служил еще до того, как князь женился на самой младшей сестре Олимпии. – И мисс Динглеби тоже помню. Именно я отправил ее к вашей матери, когда Луиза достаточно подросла и начала учиться. Рад слышать, что ей удалось спастись вместе с вами.

– Значит, вы уже слышали, что произошло. – Луиза смотрела на свои руки, плотно сцепленные на коленях.

– Да, дорогая моя, – участливо произнес Олимпия. – Мне очень жаль.

– Конечно, он слышал, – ожидаемо резко воскликнула Эмили. Ее глаза, устремленные на Олимпию, остро поблескивали под очками. – Наш дядя узнает обо всех подобных вещах зачастую раньше, чем весь остальной мир. Ведь правда, дядя?

Олимпия развел руками.

– Я – обычный человек. Просто время от времени кое-что слышу...

– Чепуха, – отрезала Эмили. – Вы нас ждали. Расскажите, что вам известно, дядя. Мне бы хотелось хоть раз услышать все целиком. Видите ли, когда оказываешься в гуще событий, все очень перепутывается. – Она настойчиво смотрела на него этими своими мудрыми глазами, и Олимпия, чьи внутренности ничто не могло легко растревожить (за исключением буколических ландшафтов), внезапно отчетливо ощутил кувырок где-то в районе печени.

– Эмили, что за дерзость! – воскликнула Луиза.

Олимпия выпрямился.

– Нет, моя дорогая. В данном случае Эмили совершенно права. Я взял на себя смелость полуофициальными путями навести кое-какие справки. В конце концов вы – моя семья.

Последние слова эхом пронесли по комнате, вызвав образ матери девушек, сестры Олимпии, умершей десять лет назад в тяжелых родах, когда она произвела на свет долгожданного наследника Хольштайн-Швайнвард-Хунхофа. Младенец, родившийся на два месяца раньше положенного срока, умер на следующий день, и, хотя князь Рудольф женился еще дважды и еженощно трудился, усердно пытаясь выполнить свой долг, желанных мальчиков так больше и не дождался. Остались только три юные леди: принцесса Стефани, принцесса Эмили и (четыре месяца назад князь вынужден был склониться перед неизбежностью) коронованная принцесса Луиза, официальная наследница престола Хольштайн-Швайнвард-Хунхоф.

А их мать, как призрак, все еще витала в этой комнате. Любимая сестра Олимпии, хотя он никогда бы в этом не признался. Его собственная дорогая Луиза, умная, красивая, полная очарования, влюбившаяся при дворе в князя Рудольфа тем нескончаемым летом 1854 года, когда в моду вошли германские императорские особы.

У Эмили, подумал Олимпия, глядя на юных принцесс, глаза Луизы.

– И? – спросила она, прищурилась столь знакомые глаза.

Электрическая лампа мигнула, словно что-то помешало движению тока. На улице на проходящего мимо пьяницу или ночного мусорщика негромко гавкнул пес, и корги вскочил на ноги, а уши у него задрожали. Олимпия скрестил свои длинные ноги и положил правую руку на край стола, сжав пальцами полированное дубовое дерево.

– Боюсь, у меня нет ни малейших догадок о том, кто стал причиной гибели вашего отца и... – он перевел исполненный скорби взгляд на Луизу, сидевшую с потупленным взором, – ...твоего супруга, дражайшая моя Луиза. – Это была не совсем ложь, хотя и не совсем правда, но Олимпия давно утратил щепетильность в подобных вопросах. – Разумеется, подозревают, что убийца принадлежал к одной из партий, разъяренных тем, что Луизу объявили законной наследницей, и ее последующим браком с... прошу прощения, моя дорогая, как звали несчастного, упокой Господь его душу?

– Петер, – прошептала Луиза.

– Ну конечно, Петер. Приношу глубочайшие извинения за то, что я не смог посетить погребальную церемонию. Мне показалось, что от моего отсутствия никто не пострадает.

– Кстати, многоярусную вазу вы прислали просто восхитительную, – заметила Стефани. – Мы пришли от нее в настоящий восторг.

– Я сделал это с радостью, – отозвался Олимпия. – Осмелюсь спросить, упаковано все надежно?

– Мисс Динглеби лично за этим проследила.

– Умница мисс Динглеби. Превосходно. Да, так убийцы. Я собирался сам за вами послать, но прежде, чем успел сделать необходимые приготовления, до меня дошел слух...

– Так быстро? – спросила Эмили, глядя на него умными глазами.

– Существует телеграф, моя дорогая. Как мне говорили, даже в княжестве Хольштайн-Швайнвальд-Хунхоф, хотя в данном случае сообщение пришло ко мне от моего друга из Мюнхена.

– От какого друга? – подалась вперед Эмили.

Олимпия махнул рукой.

– О, просто старый знакомый. Во всяком случае, он изложил мне факты этого последнего происшествия и... и...

Луиза подняла глаза и свирепо спросила:

– Вы имеете в виду попытку меня похитить?

– Да, моя дорогая. Именно это. Я был счастлив услышать, что ты защищалась, как истинная дочь нашей крови, и сумела избежать пленения. Когда газеты сообщили, что вы трое исчезли вместе со своей гувернанткой, я понял, что бояться больше нечего. Мисс Динглеби знает, что делать.

– Она – настоящая героиня, – сказала Луиза.

Олимпия улыбнулся.

– Я нисколько не сомневаюсь.

– Ну ладно, – вмешалась Стефани. – А когда мы начнем? Завтра утром? Потому что сначала мне бы хотелось нормально хотя бы ночь поспать, после всей этой суматохи. Заодно заявляю, что больше никогда даже не взгляну на лакрицу.

– Начнем? – Олимпия моргнул. – Начнем что?

Стефани выпрыгнула из кресла и начала расхаживать по комнате.

– Ну как же, разумеется, расследовать это дело! Выяснить, кто за этим стоит. Я буду более чем счастлива побыть наживкой, хотя мне кажется, что они больше охотятся за Луизой, да поможет им Бог.

– Дорогая моя, будь добра, сядь. У меня от тебя голова закружилась. – Олимпия прикрыл глаза рукой. – Расследовать? Побыть наживкой?! Совершенно исключено. Мне и в страшном сне не приснится – так рисковать своими дорогими племянницами.

– Но что-то же надо делать! – воскликнула Эмили, тоже вскочив.

– Конечно, и что-то будет сделано. Министерство иностранных дел очень обеспокоено случившимся. Нестабильность в регионе чревата непредсказуемыми последствиями. Завещаю вас, они проведут самое тщательное расследование. А пока вам придется скрываться.

– Скрываться? – спросила Эмили.

– Скрываться! – Стефани резко остановилась и повернулась к нему с разъяренным лицом. – Принцессы Хольштайн-Швайнвард-Хунхофа не скрываются!

Олимпия оттолкнулся от стола и сцепил за спиной руки.

– Разумеется, нет никакого смысла скрываться обычным образом. Как мне говорили, эти континентальные агенты неестественно пронырливы, разыскивая свою цель. Просто отослать вас в какую-нибудь отдаленную деревню недостаточно. Ваши фотографии уже напечатаны во всех газетах.

Стефани всплеснула руками.

– Маскировка! Ну конечно же! Вы собираетесь замаскировать нас! Я буду молочницей. Один раз я доила корову, на летнем празднике в Швайнварде. Произвела на всех огромное впечатление. Молочник сказал, что у меня природная тяга к вымени.

– Чушь. Молочница! Ну и мысль. Нет, мои дорогие. У меня на уме нечто куда более коварное, более изощренное. Более, если вы простите мне это слово... – короткая пауза для вящего эффекта, – ...авантюрное.

Луиза резко втянула в себя воздух.

– О дядя. Что вы задумали?

– Признаюсь, идею я почерпнул у вас. Помните, много-много лет назад я приезжал навестить вашу... эээ... вашу очаровательную отчизну? Тебе тогда только исполнилось пятнадцать, Луиза.

– Я помню. – От дурных предчувствий голос ее звучал мрачно.

– Вы сыграли для меня спектакль. «Гамлета», насколько я припоминаю. Как раз та самая меланхолическая чушь, что так нравится пятнадцатилетним девушкам. – Олимпия подошел к книжной полке, пристроил локоть около первого тома и посмотрел на племянниц любящим взглядом.

– Да, «Гамлета», – настороженно произнесла Луиза.

– Я вспомнила! – воскликнула Стефани. – Я играла Клавдия и принца норвежского, что в конце оказалось очень неудобно, а Эмили, разумеется, играла Полония...

Олимпия улыбнулся еще шире.

– А Луиза была Гамлетом. Верно, дорогая моя?

Часы на каминной полке нежно пробили три раза. Корги вскочил, пробежал кружок, второй и тревожно улегся у ног Стефани, то и дело подергивая ушами в сторону Олимпии.

– О нет, – сказала Луиза. – Это исключено. Невозможно, уж не говоря о том, что это просто неприлично.

Стефани захлопала в ладоши.

– О дядя! Какая восхитительная идея! Я всегда мечтала походить в брюках, это такая свобода! Только вообразить! Вы абсолютный гений!

– Мы не будем, – отказалась Луиза. – Только представьте себе скандал! И... и унижение! Вы должны придумать что-нибудь другое.

– Ой, успокойся, Луиза! Ты позоришь своих предков-варваров...

– Надеюсь! По крайней мере у меня есть хоть какие-то понятия...

– Право же, леди...

– ...покоривших степи России и памятники Рима...

– ...о том, каков мой долг по отношению к памяти моего несчастного супруга, и брюки в него не входят...

– Мои дорогие девочки...

– ...чтобы добиться богатства и власти, превративших нас в мишени для наемных убийц...

– ТИХО! – вскричал Олимпия.

Луиза замолчала, уставив в пустоту вытянутый палец. Стефани с мятежным выражением лица нагнулась и подхватила на руки дрожащего корги.

Олимпия возвел глаза к потолку, ища сочувствия в позолоченной лепнине. Ему казалось, что голова, не привыкшая к столь позднему бодрствованию, вот-вот свалится с плеч и покатится по испорченному корги аксминстерскому ковру.

Право же, он бы это только приветствовал.

– Ну что ж, прекрасно, – произнес он наконец. – Луиза отвергает мое предложение, Стефани его горячо приветствует. Эмили, дорогая моя? Полагаю, именно тебе придется подать решающий голос.

Стефани тоже закатила глаза, фыркнула и плюхнулась в кресло, прижимая к груди корги.

– Ну, значит, на этом все. Эмили ни за что не согласится.

– Я потрясена, дядя. Чтобы человек вашего положения мог даже просто подумать о подобном постыдном намерении? – Луиза с удовлетворением разгладила юбку.

Олимпия предостерегающе поднял руку и посмотрел на Эмили. Она сидела, выпрямив спину и переплетя пальцы. Голову она склонила набок, рассматривая какой-то далекий предмет глазами, в точности похожими на материнские.

– Ну, дорогая моя? – мягко произнес Олимпия.

Эмили постучала длинным пальцем по подбородку.

– Нам, конечно, придется обрезать волосы, – сказала она. – Луизе и Стефани замаскироваться будет проще, у них кость широкая, а вот я буду вынуждена носить бороду или хотя бы бакенбарды. К счастью, мы не относимся к дамам с большой грудью.

– Эмили! – потрясенно воскликнула Луиза.

– Эмили, голубка! – вскричала Стефани. – Я знала, что в тебе это есть!

Олимпия с откровенным облегчением хлопнул в ладоши.

– Решено! Вопрос улажен. Утром обсудим подробности. Куда делся чай? Должно быть, я приказал отнести его в ваши комнаты. – Он повернулся и нажал кнопку на столе: электрический звонок, проведенный тут всего месяц назад. – Ормсби вас проводит. Ну, вперед!

– Дядя! Вы не можете сейчас отправиться в постель!

Олимпия зевнул, потуже завязал пояс на халате и направился к двери.

– Однако именно туда я и отправляюсь. Просто изнемогаю от усталости. – Он помахал рукой. – Ормсби сейчас явится.

– Дядя! – с отчаянием воскликнула Луиза. – Вы не можете говорить все это серьезно!

Олимпия приостановился, взявшись за дверную ручку, и обернулся.

– Да бросьте, девочки мои, – сказал он. – Вам дадут соответствующие инструкции, вы разместитесь в уважаемых домах. Я свидетель, что вы все – актрисы выдающегося таланта. Кроме того, вы обладаете достоинствами и изобретательностью одной из самых аристократических семей. Помимо всего прочего, вам предоставляется моя неограниченная поддержка.

Он открыл дверь, широко развел руками и улыбнулся.

– Ну что может пойти не так?

Однако герцог Олимпия не пошел прямо в свою комнату. Он зашагал в противоположном направлении, по коридору в сторону лестницы для прислуги, находившейся в самой

дальней части дома. У него за спиной постепенно затихали женские возгласы, полные негодования и возбуждения, и наконец стало совсем тихо.

Мисс Динглеби дожидалась его в нише рядом с буфетом, где хранилось серебро. Когда он приблизился, она издала неясный звук и вышла на свет.

– А! Вот ты где, моя дорогая, – сказал Олимпия, посмотрел на нее с высоты своего немалого роста и нежно положил ладонь ей на щеку. – Пойдем-ка в постель, и ты расскажешь мне все от начала до конца.

Глава 1

Декабрь 1888 года

Обветшавшая гостиница в Йоркшире

(разумеется)

Потасовка в пивной началась около полуночи, как это обычно и бывает.

Не то чтобы у Эмили имелся богатый опыт драк в пивной. Раза два ей доводилось краем глаза видеть какую-то странную суматоху на деревенской площади в Швайнвальде (Швайнвальд по праву считался самой буйной из трех провинций Хольштайн-Швайнвальд-Хунхофа, возможно, потому, что находился ближе всех к Италии), но гувернантка или какой-нибудь другой взрослый всегда торопливо уводили ее оттуда до того, как брызнет кровь.

Поэтому она с интересом следила, как разворачивается драка. Началась она как естественный результат игры в мокрые от эля карты. Эмили заметила игроков сразу же, едва уселась, преувеличенно покачиваясь, уперлась локтями в стол, потрогала бакенбарды, кожа под которыми мучительно чесалась, и, стараясь говорить как можно более низким голосом, потребовала бутылку кларета и вареного цыпленка. Они играли за столом в центре комнаты, ссутулившись и склонив головы так, словно боялись, как бы на них не обрушился ненадежный пожелтевший потолок, – трое или четверо широкоплечих мужчин в рабочих рубашках и домотканых куртках, небрежно брошенных на спинки стульев, и один юнец, еще совсем мальчишка.

Должно быть, ставки были высоки, потому что играли они напряженно. Напряжение буквально висело во влажном, пропитанном дымом воздухе. Один из мужчин, с усами, плавно перетекающими в густые бакенбарды, поерзал на стуле и внезапно испустил газы – так долго, так роскошно неторопливо, словно механический двигатель со своим ядовитым резонансом, что самый воздух благоговейно задрожал. Сидевшие за соседним столом посмотрели в его сторону, восхищенно подняв брови.

Но сотоварищи были настолько заняты игрой, что даже не поздравили его.

В эту минуту Эмили извлекла томик Августина на латинском языке и демонстративно погрузилась в чтение. Как она сегодня обнаружила, пока ехала из Лондона, путешественники предпочитают избегать одиноких читателей и не стремятся вовлечь их в разговор, в особенности если в названии книги встречаются слова на иностранном языке. А меньше всего Эмили требовался любопытный попутчик – из тех, кто задает слишком много нахальных вопросов и замечает каждое твое движение. Святой Августин оказался надежным щитом, и за это она была ему благодарна. Но сейчас, поздно ночью, во время мучительного завершения долгой поездки в глубь Йоркшира, этого богом забытого дикого края с завывающими ветрами и замерзшими болотами, она не могла сосредоточиться, то и дело поглядывая поверх книги на соседний стол.

Все дело в мальчишке, решила Эмили. Как и она сама, он казался неуместным в этой грязной и ветхой гостинице, словно, как и она, предпочел ее заведениям более высокого класса, чтобы избежать своего обычного окружения. Он сидел наискосок от Эмили, повернувшись к ней левым боком, освещенный ревущим в очаге огнем. Ему было не больше шестнадцати, а может, и того меньше. На бледном лице – веснушки самых разных размеров, плечи болезненно тощие, на них падает густая копна соломенных волос. Он единственный не снял куртку, и она свисала с его костлявого тела, как с плохо набитого вороньего пугала, – темно-синяя, из шерсти хорошего качества. На носу его сидели круглые очки, из-под них он с напряженной сосредоточенностью всматривался в свои карты.

Эта его сосредоточенность понравилась Эмили, веснушки и длинные пальцы тоже. Он напомнил ей себя саму в этом возрасте: сплошь неуклюжие конечности и целеустремленность. Она невольно поправила свои очки, подтолкнув их повыше, и улыбнулась.

Мальчик определенно выигрывал.

Даже если бы столбики монет рядом с ним не превращались постепенно в горки, Эмили не смогла бы ошибиться, слишком уж хмурились остальные игроки за столом, ерзали на стульях, чересчур резко бросали свои ставки в центр стола. Только что началась очередная партия, и раздающий с молниеносной скоростью раскидывал карты, не желая терять даром ни единой секунды игры. На каждом лице застыло выражение непримиримости; ни единый ус не дергался. Один из игроков поднял глаза и, наткнувшись на взгляд Эмили, посмотрел на нее с холодной враждебностью.

Она торопливо уткнулась в книжку. Тут появились вино и цыпленок, доставленные в древней оловянной посуде беспечной трактирщицей с чистыми красными, как яблоко, щеками и крепкими пальцами. Эмили отложила книгу и стала наливать вино. Рука ее слегка тряслась; холод во взгляде того игрока, словно кулак, поселился где-то в груди.

Эмили постаралась сосредоточиться на струйке вина, льющейся в стакан, на прохладной гладкости бутылки под пальцами. Стакан был заляпан – похоже, ему довелось увидеть слишком много чужих пальцев и слишком мало мыла. Эмили все равно поднесла его к губам, крепко прижав все пальцы к ромбовидному рисунку, и сделала большой, мужской глоток.

И едва не выплюнула все обратно.

Вино оказалось ужасным, крепким и разбавленным одновременно, со слабым привкусом скипидара. Эмили в жизни своей не пробовала ничего настолько отвратительного, с ним не мог сравниться даже холодный пирог с сердцем вепря, который ей пришлось съесть два года назад в Хунхоф-Бадене, куда ее пригласили как почетную гостью на осенний праздник изобилия. Только чувство долга помогло ей выдержать то испытание. Жуй и глотай, постоянно учила ее мисс Динглеби. Принцессы не давятся. Принцессы жуют и глотают. Принцессы не жалуются.

Казалось, что вино натурально кипит у нее во рту. Разве такое возможно? Эмили задержала дыхание, собралась с силами и проглотила.

Оно обожгло ей горло, на глазах выступили слезы, ноздри раздулись. Атмосфера комнаты – пылающий огонь, не меньше двадцати потеющих мужчин – обрушилась на нее с такой силой, что на лбу едва не заблестели капельки пота. Да только принцессы не потеют, даже принцессы в изгнании, переодетые в мужчин. Эмили уставилась в потолок, изучая деревянную балку, угрожавшую рухнуть ей на голову, – пусть сила тяжести сама выполняет свою работу.

Желудок свело спазмом, отпустило, затем он вспучился и, наконец, с предостерегающим ворчанием успокоился. В ушах что-то жужжало.

Эмили онемевшими пальцами взяла нож и вилку и отпилила от цыпленка ножку.

Постепенно она снова начала воспринимать звуки и чувствовать запахи. Справа среди карточных игроков усиливалось недовольное ворчание.

– Разве только я в состоянии проникать взглядом сквозь карточную рубашку, – говорил мальчик; голос его рискованно метался между первой и второй октавами. – А иначе ваши обвинения беспочвенны, сэр. Вынужден просить вас взять свои слова обратно.

Один из игроков вскочил с места, опрокинув стул.

– Черта с два, мухлевщик ты и петух паршивый!

– Вы ошибаетесь в обоих случаях. Я человек честный и не отношусь к практикующим содомитам, – с противоестественным хладнокровием ответил мальчик.

Вскочивший протянул руку и опрокинул столбик монет справа от мальчика.

– А я говорю, что не ошибаюсь! – взревел он.

Во всяком случае, так предположила Эмили. Сами слова потонули в крахе человечности, последовавшем за грохотом упавших на пол монет.

Эмили, едва успевшая поднести ко рту цыплячью ногу (с определенным удовольствием – ей в жизни не удавалось съесть хотя бы капельку чего-нибудь, не пользуясь столовыми приборами), чуть не рухнула со стула, увлеченная потоком воздуха, – кто-то долговзый метнулся со своего места у очага и ворвался в сплетение машущих конечностей.

– О, поцелуй меня в зад! – закричала трактирщица, стоявшая футах в трех. – Нед! Неси ведро!

– Что-что? – спросила Эмили, встав со своего стула и в ужасе наблюдая за происходящим. Из клубка тел вылетела монета и глухо ударила ее в лоб.

– Я подниму. – Трактирщица наклонилась и подобрала монету.

– Мадам, я... о боже милостивый! – Эмили едва успела увернуться от летящей в ее сторону бутылки. Та упала в очаг и с грохотом разбилась. Во все стороны полетели осколки и искры, сильно завоняло скипидаром.

Эмили взглянула на свое вино и цыпленка. Затем посмотрела на потрепанный кожаный саквояж, набитый непривычным грузом, – мужской одеждой и накладными бакенбардами. Сердце в груди тревожно колотилось.

– Простите, мадам, – обратилась она к трактирщице и снова пригнулась, уворачиваясь от летящей в ее сторону оловянной кружки, – как вы думаете...

– Нед! Неси скорее это чертово ведро! – завопила трактирщица. Едва слова сорвались с ее уст, как сзади подбежал толстоплечий мужчина с сальным, вспотевшим лицом. В обеих руках он держал по ведру. – Давно пора, – сказала трактирщица, выхватила у него ведро и выплеснула содержимое в кучу малу.

На мгновение сцена словно замерла, напоминая картинку, – застыли на полдороге сжатые кулаки, с которых капает вода, губы злобно кривятся, зубы оскалены. Затем чья-то глотка извергла очередное грязное ругательство, и кулаки вонзились в плоть. Кто-то ревел, как раненый лев, но послышался удар, звук бьющегося стекла, и дикий рев резко оборвался.

– Вам бы лучше бежать отсюда, юный сэръ, – оглянувшись, посоветовала трактирщица и выплеснула в гущу схватки второе ведро.

– Точно, – сказала Эмили, схватила саквояж и, спотыкаясь, попятилась. Она уже заняла комнату наверху, хотя не знала точно, где ее искать; зато точно знала, что тут есть второй этаж, убежище, где можно укрыться от драки, которая, похоже, не только не ослабевала, но, наоборот, усиливалась. Из соседнего зала прибежали еще двое – глаза дикие, с губ срывается слюна, и с энтузиазмом ввязались в потасовку.

Эмили сделала еще шагок назад, кинув последний тоскливый взгляд на цыпленка. Она едва успела откусить от него, а ведь это первая ее трапеза после поспешного ленча (сэндвич с сыром и чашка слабого чая) в привокзальном кафе в Дерби, где она дожидалась очередного поезда в своем намеренно бессистемном маршруте. Ей даже в голову не пришло захватить с собой какой-нибудь еды. Что делают принцессы? Еда просто появляется перед ними через определенные промежутки времени, даже во время бегства с континента. Ее приносит тот или другой преданный слуга. (Особенно ловко добывал еду Ганс.) А этот цыпленок, жалкий и жесткий, бледный, покрытый застывшим жиром, был до самого утра ее единственной возможностью подкрепиться. Оторванная ножка лежала на краю тарелки, причиняя Эмили невыразимые муки.

Где-то в глубине сознания мисс Динглеби говорила что-то строгое, что-то насчет достоинства, этикета и внешних приличий, но сосущее чувство голода победило интеллект. Эмили поднырнула под летящую вилку, вытянула изящную белую руку, схватила куриную ножку и сунула ее в карман.

Затем резко повернулась и замешкалась на какую-то долю секунды.

– Я тебя достал, чертов маленький су... – заорал кто-то из дерущихся, но крик тут же оборвался под энергичный всплеск воды.

Эмили повернулась обратно, поставила саквояж и начала выкручивать у цыпленка вторую ножку. Кожа скользила под рукой, Эмили схватила нож и отпилила косточку.

На тарелку плюхнулась полукрона, в лужу застывшего жира прямо рядом с куриной ножкой.

– Ой! – завопил кто-то.

Эмили подняла глаза. К ней, вытянув руки, бежал какой-то мужчина, из носа у него хлестала кровь. Эмили схватила ножку, бросила монету и отскочила за стул.

– Что это у тебя тут? О!

На плечо опустилась тяжелая рука, рывком повернув Эмили. Она с трудом удержалась, чтобы не ахнуть от отвращения, – у него изо рта воняло какой-то гнилью, а выкатившиеся глаза дико сверкали. В левой руке девушка по-прежнему сжимала куриную ножку, в правой – нож.

– Отойдите! – рявкнула она.

Мужлан запрокинул голову и захохотал.

– Он живой! Чертов маленький пискун. Да я...

Эмили сунула ножку в карман и выставила вперед нож.

– Я сказал – отойдите!

– О, да у него еще и ножик есть, а? – Мужлан снова расхохотался. – Что у тебя в кармане, малец?

– Ничего.

Он поднял похожий на окорок кулак и выбил ножик у нее из руки.

– Я спросил, что у тебя в кармане, приятель!

Пальцы Эмили онемели. Она глянула вверх плеча мужлана.

– Берегитесь!

Тот круто повернулся. Эмили метнулась вперед, подняла ножик и изо всех сил толкнула мужлана в широченные отвисшие ягодицы. Громко охнув, тот качнулся вперед и ухватился за спинку стула, тут же развалившуюся на куски. Мужлан неистово замахал руками, как ветряная мельница, пьяно пошатнулся, рухнул на грязные опилки, дернулся разок и затих.

– О, отличная работа!

Мальчик выскочил непонятно откуда и стоял теперь, отряхивая рукава и ухмыляясь. Подтолкнув очки повыше, он внимательно посмотрел на тарелку с лишенным ножек цыпленком.

– Кажется, это мое, – сказал он, выудив оттуда полукрону и подбросив ее в воздух.

– Что-что? – беспомощно переспросила Эмили.

– Фредди, чертов ты дурак! – А это трактирщица. Стоит, подбоченясь, из-под чепца выбиваются мокрые прядки волос.

– Прости, Роза, – сказал мальчик, с улыбкой поворачиваясь к ней.

«Роза?» – подумала Эмили, глядя на широкоплечую трактирщицу.

– Следи за тем, что говоришь, Фредди, – покачала головой Роза. Из толпы дерущихся, напоминающих кучу сплетенных друг с другом извивающихся змей, раздался еще один крик. Кто-то помчался в их сторону, расстегнутая рубашка развевалась на ходу. Роза взяла со столика Эмили полупустую бутылку вина и небрежно метнула ее в голову бегущего. Тот застонал и упал, не сделав больше ни шагу. – Я тебе сто раз говорила!

– Знаю, Роза, прости. – Юный Фредди сокрушенно смотрел на свои ботинки.

– Тебе лучше бежать отсюда, Фредди, пока не явился твой отец. И заberi с собой этого несчастного птенчика. Он не создан для драк.

Фредди повернулся к Эмили и улыбнулся.

– Думаю, ты его недооцениваешь, Роза. Сила духа у него что надо.

– Нет у меня никакой силы духа, – пискнула Эмили, глубоко вздохнула и постаралась говорить более низким голосом: – В смысле, я бы с радостью отсюда ушел. Чем скорее... – она пригнулась как раз вовремя, чтобы увернуться от летящей в нее тарелки, – секундой позже та свирепо ударила о стену, – тем лучше, честное слово.

– Ну хорошо. Только не забудьте свой саквояж. – Фредди поднял саквояж и протянул его Эмили, все еще улыбаясь. Право же, он был очень привлекательным юношей, несмотря на веснушки, – долговязый, с неуклюжими руками и ногами, похожий на подростка щенка. А глаза за стеклами очков были ярко-голубые, большие и дружелюбные.

– Спасибо, – прошептала Эмили и взяла саквояж испачканными в жире руками.

– Комната у вас есть? – спросил Фредди, уворачиваясь от очередного кулака.

– Да, наверху. Я... ой, берегитесь!

Фредди резко повернулся, но опоздал – в него врезалось тяжелое плечо.

– Джек, пьяный ты ублюдок! – завизжала Роза.

Фредди качнулся назад, ударившись о грудь Эмили. Она отчаянно замахала руками и рухнула на пол. Фредди приземлился сверху, вышибив из нее дух. Нож вылетел из ее руки и покатился по полу.

– Поделом тебе, сукин ты сын, – прорычал нападавший. Это тот самый, первый, затуманенным сознанием подумала Эмили, тот, что опрокинул столбик монет. Огромный и пьяный, с красными глазами. Он наклонился, сгрел Фредди за воротник и занес кулак.

– Нет! – закричала Эмили. Фредди перестал давить своим весом ей на грудь. Она, извиваясь, попыталась полностью выбраться из-под него, но Фредди дергался, стараясь высвободиться из хватки мужлана. Эмили вцепилась в здоровенный согнутый локоть и чуть-чуть подтянулась – достаточно для того, чтобы суметь немного наклонить голову и впиться зубами в толстую подушечку большого пальца нападавшего.

– Ой! – взревел тот, отдернул руку (Фредди рухнул на пол и откатился в сторону) и схватил за воротник Эмили.

Она вцепилась ему в запястье, но оно было мощным и куда менее чувствительным. Он поднес кулак к ее уху, прищурился. Эмили пыталась поднять коленку, согнуть ногу, сделать хоть что-нибудь, но тщетно. И тогда она зажмурилась, ожидая сокрушительного удара, вспышки боли, черноты и звезд перед глазами, и что там еще бывает.

Как, дьявол все побори, с ней приключилось подобное? Такие побоища происходят только в газетах! Только на мужчин замахиваются мясистыми кулаками, только они ждут убийственного удара в челюсть. Только мужчины...

Хотя... она же сейчас мужчина, так?

Сделав последнее могучее усилие, она вытянула руку, попыталась нашарить ножик и задела кончиками пальцев что-то твердое, круглое и скользкое. Она схватила это, высоко подняла и...

– Ууууух! – выдохнул мужлан.

Его вес куда-то исчез. Воротник больше никто не держал.

Эмили, моргая, откинулась на спину и уставилась в пространство перед собой. Точнее, на собственную руку, крепко сжимавшую куриную ножку.

Эмили с трудом села. Голова кружилась. Перед ней мельтешили двое – тот, что на нее напал, и еще кто-то, куда выше и шире в плечах. Он удерживал ее обидчика одной невозможно огромной рукой. Эмили ожидала, что сейчас этот кулак сокрушит челюсть обидчика, но этого не случилось. Незнакомец поднял правую руку и вонзил локоть в место, где соединялись шея и плечо его противника.

– Ой? – неуверенно пискнул тот и обмяк, мешком рухнув на пол.